

Зуенко Иван Юрьевич

старший преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток); младший научный сотрудник отдела китаеведения института истории, археологии и этнографии ДВО РАН (г. Владивосток)
Электронная почта: ivanzuwei@gmail.com

УДК 947.088(571.6)+951.098

Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы

Ключевые слова: Дальний Восток, Китай, сельское хозяйство, экономическое развитие, иностранная рабочая сила

Статья основана на результатах ряда полевых исследований, проведённых осенью 2014 года в муниципальных образованиях юга Дальнего Востока, в центре внимания которых находились вопросы функционирования сельхозпредприятий с китайским капиталом, привлечения китайской рабочей силы, а также контроля со стороны местных и федеральных органов власти за деятельностью китайских предпринимателей и сезонных рабочих.

В последнее время государство, экспертное сообщество и общественность пришли к заключению о том, что Дальнему Востоку России (ДВ РФ) необходимо не просто социально-экономическое развитие, а опережающие темпы развития. Только в этом случае возможно решение целого ряда задач: от обеспечения экономической интеграции России в АТР до выправления критической демографической ситуации [см., например, 10]. Ключевое место в обеспечении опережающих темпов экономического развития региона принадлежит созданию особых площадок с льготными условиями функционирования бизнеса (ТОРов), а также привлечению иностранного капитала, технологий и управленческого опыта.

Изучению ситуации с деятельностью иностранного капитала и способностью государства контролировать его деятельность была посвящена рабочая поездка в Сидовичский район Еврейской автономной области в октябре 2014 г. Данная локация была выбрана неслучайно. ЕАО в целом представляет собой депрессивный, дотационный регион. Анализ высказываний руководителей области различного уровня свидетельствует о том, что регион видит своё будущее в активизации экономического сотрудничества с КНР [3; 11; 13]. Сидовичский район находится вдоль Транссибирской магистрали, а также федеральной автодороги «Амур», как раз между двумя региональными центрами – Биробиджаном и Хабаровском. В то же время для данного района характерен низкий уровень экономического развития, малочисленное население (28 тысяч человек), отсутствие крупных системообразующих предприятий, в т.ч. в добывающей отрасли. Иначе говоря, Сидовичский район рассматривался нами как пример территории, развитие которой в значительной степени зависит от

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-31-01253 «Государство и китайский капитал на юге Дальнего Востока (1987–2013).

взаимодействия с иностранным капиталом и привлечения иностранных работников.

В ходе поездки в Смидовичский район был проведён ряд полуструктурированных интервью с представителями власти, СМИ, а также предпринимателями, имеющими отношение к деятельности китайского капитала. Установлено, что помимо технопарка в селе Приамурское, на территории которого находится несколько принадлежащих китайцам обрабатывающих предприятий, иностранное – китайское – присутствие (в виде капитала, а также наёмной рабочей силы) наблюдается только в сельском хозяйстве. По итогам поездки было получено достаточное количество фактической информации и экспертных оценок, позволяющих сделать ряд выводов об имеющихся в сельском хозяйстве региона проблемах, связанных с деятельностью китайцев, а также особенностях взаимодействия государства и китайского капитала.

Китайское присутствие в сельском хозяйстве Смидовичского района официально представлено двумя формами: 1) деятельностью компании со 100%-ным китайским капиталом – ООО «Урми»; 2) деятельностью китайских рабочих, приглашаемых для работы на земле российскими фермерами, которых в земледельческий сезон 2014 года на территории района было зарегистрировано около 300 человек (Инт-1¹).

Деятельность ООО «Урми», равно как и других предприятий со 100%-ным иностранным капиталом, осуществляется на основе *Федерального закона РФ от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»* [14]. Данный закон, как известно, далёк от совершенства. В нём отсутствуют чётко прописанные механизмы реализации гарантий для иностранных инвестиций. Многие положения Закона содержат чисто декларативные нормы [1]. Кроме того, деятельность конкретного данного предприятия регулируется отдельным законом об обществах с ограниченной ответственностью, а также Гражданским и Налоговым кодексами. Отдельных нормативных актов, в которых прописывались бы некие льготные условия для работы иностранного инвестора, в ЕАО и Смидовичском районе нет. «Урми» работает не тех же основаниях, что и российские фермеры. При этом назвать их льготными или дотационными нельзя. Положение фермера в этих условиях образно выразил один из респондентов: *«Мной весь район, вся область отчитывается. А в ответ не помощь, а только проверки»* (Инт-2²).

Компания «Урми», зарегистрированная в селе Волочаевка, работает в районе около 10 лет и является крупнейшим производителем сои. Под данную культуру занято 3000 гектаров, что составляет один из самых больших показателей в области (Инт-1). Эксперты отмечают, что по обеспеченности техникой и оборудованием «Урми» за счёт доступности дешёвых кредитов в Китае находится впереди всех местных российских фермеров (Инт-3³). 500 гектар земли китайской компанией ранее было взято в аренду у государства (существуют ограничения и по объёму земли и по срокам аренды – не более 5 лет). В этом году срок аренды подошёл к концу, вся остальная земля была взята китайцами в субаренду у российских собственников (Инт-1).

Специалисты Управления сельского хозяйства Администрации Смидовичского района отметили, что работой «Урми» очень доволь-

¹ Интервью с представителем Управления сельского хозяйства Администрации Смидовичского района, пос. Смидович, 13 октября 2014 года.

² Интервью с руководителем фермерского хозяйства, дер. Камышовка Смидовичского района, 14 октября 2014 года.

³ Интервью с сотрудником районной газеты, пос. Смидович, 13 октября 2014 года.

ны. Их вывод однозначен: «от этой компании пользы намного больше, чем проблем» (Инт-1). В частности, компания является одним из крупнейших налогоплательщиков района, ею создаётся некоторое количество рабочих мест для квалифицированных местных жителей (хотя в основном работают китайцы), часть дохода тратится на местном рынке. Например, в год «Урми» тратит только на удобрения около 5–6 миллионов рублей (Инт-1). Продукция «Урми» идёт на местный рынок, так как на сою существует устойчивый спрос у местных предпринимателей (Инт-3).

Местные чиновники отметили, что китайский предприниматель (на примере «Урми») ведёт себя дисциплинированно, заинтересован в соблюдении требований государства. Как отметили в Управлении сельского хозяйства, проверки компании «Урми» являются регулярными. Нарушения естественно есть, но сказать, что их больше, чем в российских хозяйствах, нельзя (Инт-1, 3).

Вторая форма «китайского присутствия» в сельском хозяйстве – сезонные рабочие. Основная тенденция, выделенная собеседниками: сельское хозяйство района нуждается в ещё большем количестве китайских сельхозрабочих, однако увеличение их числа затруднено в силу ряда причин. Прежде всего, ограниченность квот, выделяемых государством. Привлечение иностранных работников осуществляется на основе *Федерального закона от 25.07.2002 N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»*. Согласно этому нормативному акту, предприниматель (российский или иностранный) должен выполнять целый ряд сложных, бюрократических действий для того, чтобы получить так называемую «квоту» (разрешение на приглашение определённого числа иностранных работников), причём на следующий календарный год заявление на квоту делается до 1 мая текущего года [15]. Только после этого можно заниматься оформлением документов для каждого конкретного работника, не говоря уже о том, что именно российский предприниматель должен обеспечивать и нести ответственность за соблюдение законов в ходе пребывания и работы иностранца на территории России.

Все респонденты отмечают, что процедура оформления иностранной рабочей силы довольно громоздка (Инт-1, 2, 3, Инт-4⁴). Утверждение квот на рабочую силу происходит в конце года, в последних числах декабря. Дальнейшая работа по оформлению документов для конкретных работников ведётся в первые месяцы года, из-за чего, учитывая большое количество бюрократических процедур, а также «новогодние праздники», сельхозрабочие зачастую не успевают прибыть на землю к началу посевных работ. Скажем, один из респондентов жаловался, что уже несколько лет подряд китайцы прибывают на поля только 18 апреля, тогда как реальные работы ведутся уже с марта и ими приходится заниматься фермеру и его семье самостоятельно (Инт-4).

Самое главное – квот выдаётся меньше, чем реально требуется фермерам. Респонденты заявляли, что, как правило, они запрашивают завышенное число работников (например, 75) для того, чтобы получить то, что им нужно, даже в случае ожидаемого сокращения заявки (например, 40 человек) (Инт-4).

Возникает справедливый вопрос, необходимо ли привлечение китайских крестьян для работы на российских полях? По мнению опро-

⁴ Интервью с индивидуальным предпринимателем, дер. Камышовка Смидовичского района, 14 октября 2014 года.

шенных респондентов, без этого нельзя. Население района невелико, проблемы безработицы в целом не существует (учитывая близость Хабаровска и Биробиджана), а зарплаты батраков не являются для местных жителей привлекательными. Китайские работники получают в месяц 25 тысяч рублей (Интервью с китайским наёмным работником фермерского хозяйства, дер. Камышовка Смидовичского района, 14 октября 2014 года; далее – **Инт-5**). Местные фермеры готовы платить и русским батракам от 700 до 1000 рублей в день (**Инт-2**), что примерно столько же. При этом квалификация и опыт работы на земле у китайцев, как правило, выше (**Инт-1**, 2). Русских работников фермеры хотели бы приглашать на подённую работу во время сборки урожая, однако, как правило, русские на данную работу не идут. Это обусловлено как низким престижем работы на земле среди населения, так и низкой заработной платой.

При этом следует отметить, что данная тенденция, характерная для Смидовичского района, близкого к крупному экономическому центру – Хабаровску, куда уезжают работать многие селяне (**Инт-3**), не вполне может быть репрезентативной для всего юга Дальнего Востока. Логично предположить, что для российских селян из более отдалённых районов указанные зарплаты могут быть более привлекательны (по имеющимся данным, доход основной массы селян составляет около 15 тысяч рублей [2, с. 30]), и, соответственно, потребность в использовании труда мигрантов будет там меньше. Данный вопрос нуждается в дополнительной проработке, что будет сделано в ходе исследований в других муниципальных образованиях.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: китайцы приезжают на сезонную работу из приграничных уездов провинции Хэйлуцзян, где безработица в последнее время также не является существенной проблемой, причём они зарабатывают деньги для того, чтобы тратить их дома. Учитывая падение рубля по отношению к юаню по состоянию на январь 2015 года, прежняя зарплата для китайского батрака, которая равнялась примерно 5000 юаней в месяц (это равно зарплате чиновника низшего уровня), сократилась до 2 500 юаней. Соответственно, весьма велики сомнения, что российским фермерам получится приглашать для работы китайских сельхозработчиков в прежних объёмах. Нужно будет или повышать им зарплату, что невыгодно, или же ориентироваться на иные трудовые ресурсы.

В ходе проведения полевых исследований также были получены закрытые сведения, позволяющие скорректировать официальные оценки.

Так, по мнению ряда респондентов, на большинстве фермерских хозяйств района китайцы работают в качестве сезонных рабочих только формально. На самом деле они берут землю в субаренду у российских предпринимателей и самостоятельно её обрабатывают, используя своих российских партнёров только как промежуточное звено в своих взаимоотношениях с властью (**Инт-2**).

Другая проблема, реально существующая на практике, – процесс «захвата» земель со стороны крупных фермерских хозяйств. Что имеется в виду: в соответствии с *Постановлением Правительства РФ от 04.09.1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса»* общая собственность на земельный участок, переданный всем работникам

бывшего колхоза или совхоза, делился на так называемые «земельные доли» (это оформлялось отдельными решениями органов местного самоуправления) [12]. Право на «земельную долю» оформлялось отдельным списком работников бывшего совхоза (независимо от того, получил ли он Свидетельство о праве собственности на земельную долю в земельном комитете или нет). Таким образом, сформировалось значительное количество участков, которые формально находились в собственности местных жителей, но фактически ими не обрабатывались (иногда эти местные жители даже не знали о наличии у них в собственности этих «земельных долей»). Вот такие необработываемые «земельные доли» и являются объектом незаконной эксплуатации со стороны крупных сельхозпредприятий.

Ключевых момента в этой схеме два. Во-первых, «потянуть» обработку дополнительных земель может только крупное хозяйство, располагающее техникой (без которой, например, нельзя выращивать сою) и финансовыми возможностями. Во-вторых, реализация данной схемы вряд ли возможна без наличия коррупционного сговора с контролирующими органами как в местном самоуправлении, так и в федеральных органах. Один из респондентов в текущем календарном году, точно зная о том, что ряд участков находится в незаконной обработке соседнего фермера (китайца), в начале года самовольно их занял и засадил поля пшеницей (**Инт-2**). Несмотря на угрозы со стороны китайского предпринимателя и даже органов власти, фермер с этих участков не ушёл, так как чётко понимал, что никаких документов на эти земли у его оппонента нет (**Инт-2**). Данный факт убедительно доказывает актуальность указанной проблемы.

Кроме того, официальная статистика не учитывает целый ряд хозяйств, которые фактически представляют китайский капитал, но зарегистрированы на российских граждан. Такая ситуация возникает, если, например, хозяйство зарегистрировано на супруга китайского гражданина. Или же китаец со временем получил российское гражданство. В Смидовичском районе наиболее ярким подобным примером является хозяйство Ирины Ма (свиноводческая ферма) [11].

В целом, деятельность китайцев в сельском хозяйстве оценивается положительно. Фермеры отмечают, что именно китайцы «научили» их выращивать сою (**Инт-2, 4**). Были попытки организовать на землях района экспериментальное рисоводческое хозяйство (**Инт-1, 4**). Зачастую фермеры приглашают на работу китайских крестьян для того, чтобы освоить технологию выращивания новой сельхозкультуры (например, кукурузы) (**Инт-2**). Ключевой момент – не просто знание агрономии, а знание специфических климатических и почвенных условий дальневосточного региона.

Китайцы в целом ориентированы на привлечение рабочей силы из числа соотечественников (**Инт-1**), однако на целый ряд управленческих должностей (бухгалтер, юрист и т. д.) они чаще берут российских граждан [5, с. 40]. Таким образом, китайских фермеров можно рассматривать как надёжных налогоплательщиков и работодателей.

Широко распространён стереотип, что китайцы работают на земле грабительскими методами, что приводит к обеднению почв [см., например, 4; 7; 8; 16]. Логика в подобных рассуждениях есть, что признают и все опрошенные респонденты (**Инт-1, 2, 3, 4**). Китайцы в настоящий момент стремятся к получению максимальной прибыли и

редко думают о завтрашнем дне. Во многом это обусловлено нестабильностью положения в России, непоследовательностью и изменчивостью властных решений. В этих условиях было бы странно, если китайский крестьянин, не уверенный, что в следующем году ему дадут разрешение на работу, не изменят правила торговли и т.д., будет думать о будущем той земли, которую сейчас обрабатывает.

Укоренению подобных стереотипов способствует отсутствие взвешенной, однозначной позиции государства и экспертного сообщества по отношению к экспансии китайского капитала и рынка на фоне большого количества гипотез о масштабах и качественных характеристиках китайского экономического присутствия, опирающихся на слабую эмпирическую базу [9].

Наиболее распространённым нарушением со стороны китайских фермеров является нарушение севооборота (**Инт-2**), когда на одном и том же участке земли всё время культивируется одна и та же культура, что приводит к обеднению почвы. Как правило, китайцы заинтересованы в выращивании сои, тогда как выращивание других культур в ЕАО не столь выгодно (например, пшеница, которую вынуждены сеять для севооборота российские фермеры, почти полностью идёт на корм скоту и продаётся дёшево). Некоторые фермеры жаловались, что участок земли, на котором до этого в статусе арендатора работали китайцы, необходимо в течение года-двух «восстанавливать», тогда как всё это время за неё нужно платить налог (**Инт-2**).

В то же время распространённое обвинение китайцев в том, что они «губят землю химикатами», соответствует действительности не всегда. Во-первых, многие удобрения стоят довольно дорого (например, фосфаты по цене дороже угля), таким образом, «перенасыщать» землю удобрениями не только вредно, но и невыгодно (**Инт-1**). Во-вторых, особенно вредные для здоровья населения ядохимикаты запрещены к ввозу в Россию. Например, гербицидов для компании масштаба «Урми» необходимо около 3 тонн; понятно, что такое количество вещества невозможно незаметно перевезти через границу (**Инт-1**). Что касается пестицидов, это возможно, но на практике их чрезмерное употребление чревато для фермеров, так как контролирующие органы (от Управления сельского хозяйства до районного отдела ФСБ) в своих проверках китайских фермеров делают на этом особый упор (**Инт-3, 4**).

Другой стереотип о китайских сельхозработниках заключается в том, что ими совершается большое количество административных правонарушений, особенно связанных с миграционным законодательством и статусом иностранных граждан в России. В общем и целом это действительно так. Однако следует отметить, что на практике не соблюдаются именно те предписания государства, которые соблюдать без ущерба работе сложно. Например, по требованиям ФМС сезонные рабочие регистрируются по конкретным адресам, где они обязаны проживать. На практике сезонные рабочие, как правило, живут в бараках, размещённых непосредственно возле полей или теплиц. Это объясняется как желанием китайцев жить в своей среде, а не с русскими семьями, так и чисто прагматическим соображением: батраки выполняют также функции сторожей (**Инт-5**).

При этом следует отметить: внешне контроль со стороны государственных органов над китайскими работниками и бизнесом осущест-

вляется регулярно и зачастую проводится «с пристрастием» (Инт-3, 4). Как нам кажется, если нарушения всё же имеют место быть, то это можно объяснить не бездействием контролирующих органов, а наличием коррупционной составляющей.

В результате проведённого исследования можно сделать определённые выводы.

Деятельность китайского капитала, а также привлечение китайских трудовых ресурсов в сельском хозяйстве в неразвитых, малонаселённых районах Дальнего Востока оценивается в целом положительно как местными властями, так и общественностью и российскими фермерами. Отдельные факты недовольства (раздуваемые СМИ и политическими деятелями) есть, но в целом алармистские настроения на местах выражены не так сильно. Зато хорошо заметна положительная роль китайских предпринимателей как налогоплательщиков, работодателей, производителей сельхозпродукции и «звена» в передаче технологического и управленческого опыта местным фермерам. При этом китайские сезонные рабочие занимают ту нишу в структуре распределения труда, которая не может быть в полном объёме занята россиянами, для которых работа на земле является непривлекательной и малооплачиваемой. Стереотипы о «грабительской эксплуатации» китайцами земли и в большом количестве с их стороны правонарушений соответствуют действительности лишь отчасти.

Наличие двух форм китайского присутствия в отрасли провоцирует логичный вопрос об их сравнении с точки зрения приоритетных интересов развития и безопасности региона. Следует отметить, что на данный момент одна форма неотрывна от другой – китайские предприятия не готовы работать на Дальнем Востоке без привлечения китайской рабочей силы, а китайские «сезонные рабочие» на практике зачастую оказываются китайскими субарендаторами, обрабатывающими землю без какого-либо контроля со стороны российского фермера. Иначе говоря, в данном случае мы имеем дело с единым феноменом деятельности китайского капитала, которая проявляется в различных ипостасях, что, конечно, не отменяет частных случаев привлечения китайских сельхозрабочих в качестве батраков.

Расширению данной деятельности, а также привлечению иностранных работников препятствует: 1) сложность выполнения многочисленных нормативных требований (прежде всего, получение квоты на привлечение иностранной силы); 2) отсутствие реальных действий местных властей по созданию условий для привлечения иностранных инвестиций ввиду «гиперцентрализации государственной политики в сфере, прежде всего, трансграничной миграции» [6, с. 22]; 3) несовершенство или отсутствие нормативной базы по конкретным направлениям сельхоздеятельности. Также возможно, что уже в ближайшем будущем привлечение китайских сельхозрабочих будет осложнено непривлекательностью работы в России с точки зрения зарплаты, которая заметно сократится в связи с падением рубля относительно юаня. В таком случае ниша китайских сельхозрабочих будет занята выходцами из Центральной Азии, квалификация которых применительно к работе на земле в условиях Дальнего Востока предположительно ниже.

Государство в лице местных органов власти и представительств федеральных ведомств регулярно, а чаще всего и «с пристрастием»,

осуществляет контроль за деятельностью китайских предпринимателей и сельхозрабочих: это касается соблюдения миграционных, фитосанитарных, ветеринарных норм. По оценке наблюдателей, в ряде случаев этот контроль со стороны государства носит чрезмерный характер, нацелен на выполнение отчётных показателей. Ряд негативных явлений, которые несмотря на этот контроль имеют место быть (прежде всего, в части незаконного захвата необрабатываемых «земельных долей»), по нашему мнению, могут объясняться наличием коррупционной составляющей – иначе говоря, сговора между конкретными предпринимателями и чиновниками. Кроме того, китайские предприниматели, сезонные рабочие и российские фермеры, приглашающие иностранную рабочую силу, проявляют склонность к несоблюдению тех норм российского законодательства, которые носят декларативный, имиджевый характер и с трудом могут быть реализованы на практике.

Литература

1. Братановский С. Н., Смушкин А. Б. Комментарий к федеральному закону от 9 июля 1999 г. №160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Юридический интернет-портал «Зона закона.ру» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zonazakona.ru/law/comments/301/> [Дата обращения: 10.11.2014].
2. Губин А. В. Китайский вызов для Приморского края: новое измерение // Ойкумена, № 1. 2013. С. 27–34.
3. Еврейская автономная область и Китай: интервью с губернатором Александром Винниковым // Китай и Россия [Электронный ресурс]. URL: ruchina.org/china-russia-article/china/35.html [Дата обращения: 26.01.2015]
4. Забияко А. П., Кобызов Р. А., Понкратова Л. А. Русский и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 412 с.
5. Иванов С. А. Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 4. С. 35–46.
6. Киреев А. А. Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 4. С. 8–25.
7. Китай в России // Эксперт-ТВ [Электронный ресурс]. URL: expert.ru/2012/02/21/ugol-zreniya/ [Дата обращения: 27.01.2015].
8. Китай поднимет Дальний Восток // Газета.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2014/05/24/6046385.shtml> [Дата обращения: 27.01.2015].
9. Круглый стол «Власть и китайский бизнес на Дальнем Востоке: проблемы взаимодействия» // Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН [Электронный ресурс]. URL: ihaefe.org/news/3031 [Дата обращения: 26.01.2015].
10. Минакир П. А. Россия и Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // Пространственная экономика, 2009, № 3. С. 7–19.
11. Михаил Святовец: Сельскому хозяйству ЕАО нужны умные,

энергичные и деловые люди // EAOMedia.ru [Электронный ресурс]. URL: eaomedia.ru/news/economics/14.10.2012/233589/mihail-svyatovets-selskomu-hozyaystvu-eao-nuzhni-umnie-energichnie-i-delovie-lyudi.html [Дата обращения: 26.01.2015].

12. Постановление Правительства РФ от 04.09.1992 № 708 (ред. от 03.08.1998) «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» // Инновации и предпринимательство: гранты, технологии, патенты [Электронный ресурс]. URL: innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_54311.html/ [Дата обращения: 10.11.2014].

13. Сельское хозяйство Дальнего Востока признали способным привлечь деньги // Дальневосточный капитал [Электронный ресурс]. http://dvkapital.ru/specialfeatures/dfo_18.04.2014_6126_selskoe-khozjajstvo-dalnego-vostoka-priznali-sposobnym-privlech-dengi.html [Дата обращения: 27.01.2015].

14. Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165199/ [Дата обращения: 26.01.2015].

15. Федеральный закон от 25.07.2002 № 160-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172573/ [Дата обращения: 26.01.2015].

16. Число китайцев в сельском хозяйстве Дальнего Востока за шесть лет выросло более чем вдвое // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: www.vedomosti.ru/companies/news/1865033/chislo-kitajcev_v_selskom_hozyajstve_dalnego_vostoka_za [Дата обращения: 27.01.2015].